

Едва дыша, склонившись къ ней устами,
Онъ ждалъ отвѣта съ страхомъ и тоской..
Она молчала. Тонкими вѣтвями
Чуть втеръ шелестилъ, и парилъ зной,
И тѣни листьевъ пестрыми рядами
Играли на челѣ ея.. Она
Стоить недвижная, безъ словъ, блѣдна..

— «Рѣшись же, Зара,—ждать я не могу!
Ты поблѣднѣла?.. Что такое: слезы?
Но развѣ здѣсь ты предана врагу?» —
Иль рѣчь любви похожа на угрозы?
Иль ты меня не любишь?.. Нѣтъ, я лгу, —
Твои уста, нѣжный Иранской розы,
Жестокаго не могутъ произнести!.. [естъ!..
Пусть нѣтъ въ тебѣ любви, но.. жалость.

— «О, какъ бы я былъ счастливъ, какъ богатъ
Подъ звѣздами Аллы, одинъ съ тобою!..
Скажи: тебѣ не любить Акбулатъ?
Онъ золъ, ревнивъ, онъ пасмуренъ душою;
И рѣчь его хладнѣе, чѣмъ булатъ!
Онъ для тебя постылъ!.. Бѣги со мною!..
Но ты качаешь молча головою, —
Не онъ тобою любимъ!.. Такъ кто жъ такой?»

— «Скорѣй отвѣтствуй, кто онъ,—назови!
Я вытвержу зловѣщее названье..
Я обниму, какъ брата, и.. въ крови
Запечатлю братское лобзание.
Кто жъ онъ—счастливецъ, царь твоей любви?
Пушай придетъ, презрѣвъ мое страданье,
При мнѣ тебя и нѣжить, и ласкать!..
Я радъ смотрѣть, клянусь тебѣ—молчать!..»

И онъ склонилъ мятежную главу,
И онъ закрылъ лицо свое руками;
И видно было ей, какъ на траву
Упали двѣ слезы двумя звѣздами.
Безъ смысла и безъ звука, на яву—
Какъ бы во снѣ, онъ шевелилъ устами
И, наконецъ, припалъ къ земаѣ сырой,
Самъ, какъ земля, холодный и нѣмой!..

И стало жаль Селима ей.. И вдругъ
Заговорила голосомъ печали:
— «Отецъ мой былъ великій воинъ: Югъ,
И Сѣверъ, и Востокъ объ немъ слышали.
Онъ былъ свирѣпый врагъ, но вѣрный другъ,
И низкой лжи уста его не знали.
Я—дочь его, и честь его хранию!
Умру, погибну, но.. не измѣню!»

— «Оставь меня, — я счастлива съ дру-
гимъ!» —
— «Не вѣрю я!.. Ты счастлива? — «Ко-
нечно».. —
— «Онъ мой злодѣй, мой врагъ!».. — Селимъ!
Селимъ!
Кто жъ виноватъ?.. Скажи, ужели вѣчно

Непримиритесь вы?» — «Мириться? съ нимъ?..
Да кто же я, чтобъ мукою сердечной
Дразнить людей и небо?» — «Ты жестока!» —
— «Какъ быть? такую душу далъ мнѣ

— «Прощай,—ужъ поздно».. — «Богъ раз-
судитъ насъ!»
Но если я съ тобою увижусь снова,
То это будетъ, знай, въ послѣдній разъ!..
Онъ быстро всталъ, и болѣе ни слова
Онъ не сказалъ и скрылся!.. День угасъ!
Лишь блѣдный лучъ изъ-за Бенгу крутого
Едва скользилъ прощальной полосой
Вдоль по челу черешенки молодой.

Селимъ не возвращался. Акбулатъ
Спокоенъ,—онъ не видитъ, что порою
Его жены досель ясный взглядъ
Туманится невольною слезою..
Вотъ, разъ съ охоты фхаль онъ назадъ;
Аулъ дремалъ въ тѣни, таясь отъ зною;
Сходя съ мечети тихою стогою,
Ему мулла киваетъ головою.

И говоритъ: «Куда спѣшишь, мой сынъ?
Не лучше ли гулять въ широкомъ полѣ?
Черкесь прямой—всегда, вездѣ одинъ,
И служить только роднѣ, да волѣ!
Черкесь—землѣ и небу господинъ,
И чуждый врагъ ему не страшнѣ болѣ,
Какъ только онъ, послушавшись меня,
Жену покинулъ и купилъ коня!»

— «Молись Пророку и Аллѣ, мулла,
И не мѣшайся ты въ дѣла чужіи;
Твой вѣренъ глазъ,—моя вѣрнѣ стрѣла!
За весь табунъ твой не отдамъ жены я!
Мулла жъ въ отвѣтъ: «Я не желаю зла..
Самъ вспомнишь ты совѣты золотые!»
Смутился Акбулатъ, потушилъ взоръ
И скачетъ онъ скорѣй къ себѣ на дворъ.

Съ дрожащимъ сердцемъ въ саклю вхо-
дитъ онъ;
Глядитъ—на ложѣ смятомъ и разрытомъ
Книжалъ знакомый блещетъ пзъ ножонъ..
Любимый конь не рѣжетъ, не бьетъ копытомъ,
Неидетъ на встрѣчу Зара!.. Мертвый сонъ
Повсюду; лишь на очагѣ забытомъ
Сверкаетъ пламень!.. Онъ не взвѣдѣлъ дна:
Нѣтъ ни жены, ни лучшаго коня!..

Безъ силъ, безъ думъ, недвижимъ, какъ
Пронзенный сзди пулею несмѣлой, [мертвецъ,
Съ открытымъ взоромъ встрѣтившій конецъ,
Присѣлъ онъ на порогъ, и что кипѣло
Въ его груди, то знаетъ лишь Творецъ!
Часы бѣжали. Небо потемнѣло;
Съ росой на землю пала тишина;